

Григорий Иванович Лангсдорф: немецкий гуманист на Камчатке

Диана Ордубади

«Чрезмерное отдаление Камчатки от главных мест и благоустроенных стран России и настоящая её бедность суть виною, что об ней распространялась слишком худая слава. Даже самое имя Камчатки выговаривается со страхом и ужасом. [...] В Камчатке можно бы жить столько же хорошо и ещё лучше, нежели во многих других провинциях России. Надлежит только принять меры, совсем разные от прежних. Бдительное и совместное исполнение начертаний, относящихся до благоустройства и управления Камчатки, есть притом предмет важнейший.»¹ И.Ф. Крузенштерн

15 июля 1804 г. корабль «Надежда» под предводительством капитана Ивана Фёдоровича Крузенштерна бросил якорь в Петропавловской гавани полуострова Камчатка. Спустя почти пять с половиной месяцев плавания участники первого русского кругосветного путешествия вновь ступили на российскую землю. Натуралист экспедиции Григорий Иванович Лангсдорф (Георг Генрих фон Лангсдорфф), уроженец Гессена и представитель немецкого дворянского рода, и вовсе оказался в России впервые. Для него Камчатка стала не только предметом тщательного научного изучения, но и крепко связала судьбу молодого учёного с Российским государством и его колониальной политикой на Дальнем Востоке.

Тот факт, что на борту российского судна оказался естествоиспытатель-иностранец, не должен показаться странным. Со времен Петровской эпохи, а также Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга (1732-1743) российское правительство весьма охотно привлекало иностранных специалистов на службу, особенно, если они отличались незаурядными способностями в разделах точных и естественных наук и могли содействовать успешному развитию таковых в России.² В течение XVIII века особенно тесно сложились русско-немецкие научные связи, чему в частности немало поспособствовали такие выдающиеся деятели Санкт-Петербургской Академии наук как Август Людвиг Шлёцер, Герхард Фридрих Миллер, Георг Вильгельм Стеллер, Петер Симон Паллас и другие. Таким образом, Георг Генрих Лангсдорф лишь продолжил своим примером многолетнюю традицию русско-немецкого сотрудничества. Отличительной особенностью Лангсдорфа явилось, однако, его непоколебимое рвение к участию в путешествии Крузенштерна при изначальном отсутствии особой заинтересованности с российской официальной стороны.

1 Крузенштерн 2007: 414, 416.

2 Dahlmann 2004: 121ff.

Беззаветную любовь к странствиям и тягу к малоизученному Лангсдорф развил в себе ещё во время студенчества в Гёттингеновском университете, где с 1793 г. изучал медицину и естественные науки. Юноше посчастливилось попасть в группу, курируемую самим Иоганном Фридрихом Блуменбахом, одним из выдающихся натуралистов, антропологов и этнографов своего времени. Наряду со знанием истории географических открытий и навыками критического анализа трудов путешественников Блуменбах старался привить своим ученикам стремление как можно тщательнее исследовать ту или иную страну, обращать внимание не только на её природу, культуру, язык и обычаи, но и пытаться глубже понять образ мышления, а также менталитет местных жителей. Благодаря усердиям Блуменбаха Лангсдорфу на всю жизнь остался свойственен крайне вдумчивый и осторожный подход к объектам его исследований, а также человеческое внимание к проблемам и бедам местного населения изучаемых стран.³

Получив в 1797 г. степень доктора медицины, Лангсдорф отправился в Лиссабон, сопровождая туда в качестве лейб-медика принца Христиана фон Вальдек. Пятидесятилетний принц был призван к службе в португальской армии в генеральском чине. Вследствие ранения он скончался год спустя. Положительно зарекомендовав себя к тому времени, Лангсдорф решил остаться в португальской столице и, не прерывая частной практики, посвятил себя ещё и работе в немецком госпитале Лиссабона. В 1801 г. немецкий врач поступил на английскую военную службу, которая вынудила его сопровождать корпус в Испанию, где тот в 1802 г. был расформирован. Из Испании Лангсдорф отплыл в Англию, затем посетил Париж и лишь в 1803 г. вновь вернулся в Гёттинген.⁴

За время отсутствия на родине Лангсдорфу удалось, несмотря на постоянную врачебную занятость, собрать обширные естественно-научные коллекции в Португалии и Испании, а также вступить в переписку с Санкт-Петербургской Академией наук, чьим член-корреспондентом он был избран в январе 1803 г. и куда также отсылал классифицированные собрания португальских насекомых и рыб.⁵ Жажда продолжить свои научные изыскания теперь уже за пределами Европы не оставляла молодого учёного, пока он занимался сортировкой своих коллекций. Вскоре в университетской среде стало известно о планируемом первом русском кругосветном плавании. Лангсдорф, не медля, написал в Петербург с просьбой рекомендовать его в качестве натуралиста предстоящей экспедиции, но получил отказ в связи со скорым отправлением кораблей из Кронштадта, а также уже состоявшимся назначением В.-Г. Тилезиуса фон Тиленау в естествоиспытатели

3 О влиянии Блуменбаха и всей научной школы Гёттингеновского университета на формирование Лангсдорфа как ученого см. подробнее: Комиссаров 1975: 7–10.

4 О португальском периоде см. подробнее: Комиссаров 1975: 10–14.

5 Becher 1987: 65.

путешествия.⁶ Письмо не обескуражило Лангсдорфа. Собрав наспех вещи и завещав все свои коллекции на случай смерти родному университету, он в тот же вечер выехал в Копенгаген в надежде ещё застать там русские фрегаты.

Григорий Иванович Лангсдорф – Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff. (Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff, *Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803-1807*, Bd. 1: Tafeln, Frankfurt am Main 1812).

Первое русское кругосветное путешествие, к которому так стремился присоединиться Лангсдорф, было задумано как широкомасштабное предприятие, основанное на идеях Крузенштерна и обусловленное политико-экономическими интересами России. Ещё в правление императора Павла I Крузенштерн подал вице-президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Г.Г. Кушелеву обстоятельную записку с «проектом организации русской кругосветной экспедиции в интересах развития торговли и обогащения страны»⁷, в которой обращал внимание правительства на особую выгоду, возможную при проведении поставок пушного меха в Китай исключительно морским путём через Кантон. Долгое время вела Россия торговлю «мягким золотом» с Китаем, поставляя пушнину из своих американских колоний

6 Комиссаров/Шафрановская 1975: 87.

7 Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 14, оп. 1, д. 22.

начала морем в Охотск, а затем сухим путём в Кяхту на русско-китайскую границу, что в среднем занимало около 2 лет и часто вело к серьезной порче ценного груза.⁸ Крузенштерн ясно указал на преимущества морского пути в деле снабжения товарами и продуктами российских колоний в Тихом океане, не смог, однако, сразу снискать поддержки руководства. Лишь с восходом на престол Александра I и благодаря поддержке министра коммерции Н.П. Румянцева Крузенштерн получил распоряжение начать подготовку к плаванию. В феврале 1803 г. в Лондоне были куплены два подходящих судна, перевезены в Кронштадт и переименованы в «Надежду» и «Неву». Подбором команды и экипировкой кораблей занимались капитаны Крузенштерн и его старый товарищ Юрий Федорович Лисянский. Финансирование морского снаряжения экспедиции взяла на себя Российско-американская компания⁹, глава которой граф Николай Петрович Резанов также отправлялся в путешествие в качестве дипломата. Ему было поручено доставить на родину 15 японских рыбаков, потерпевших крушение на Алеутских островах в 1796 г. Основной задачей посольства являлось налаживание дипломатических отношений с доселе политически обособленной Японией.¹⁰

Именно к Резанову явился в Копенгагене Лангсдорф и буквально обескуражил последнего своим восторженным желанием присоединиться к экспедиции на любых условиях. Его пламенное рвение, имеющийся научный опыт и членство в Петербургской Академии наук просто не оставили Резанову с Крузенштерном по их собственным записям иного выбора, как взять немецкого энтузиаста с собой.¹¹ В столицу был отправлен соответствующий запрос о возможности зачисления Лангсдорфа на российскую службу и о жаловании для него. На случай отказа немецкий врач даже выразил готовность на проведение научных исследований из собственных средств, чем окончательно покорила руководителей плавания.

В течение следующих месяцев Лангсдорфу удалось полностью оправдать оказанное ему доверие и во многом расширить круг своих научных

8 Пасецкий 1974: 17.

9 Российско-американская компания (РАК) была образована в 1799 г. как крупная монопольная организация под патронажем императора Павла I, занимающаяся тихоокеанской меховой торговлей и призванная способствовать укреплению российского влияния в Северной Америке. Основателем компании считается Николай Резанов, унаследовавший от своего тестя Г.И. Шелихова в 1795 г. большую часть его торгового пушного общества. Резанов не только смог добиться при дворе государственной торговой монополии для формируемой компании, но и объединить в ней конкурирующие торговые общества тихоокеанских территорий. При содействии российского правительства РАК с 1804 по 1840 г. организовала 25 исследовательских экспедиций, в том числе 15 кругосветных. РАК была ликвидирована в 1867 г. после продажи колоний РАК США.

10 Bucher 2008: 286.

11 См. подробнее: Комиссаров 1975: 16.

интересов. Изначально ему было поручено заниматься только ихтиологией и минералогией, но на пути к Канарским островам и в Бразилию учёный не смог удержаться от того, чтобы посвятить себя изучению физико-географических феноменов, а также этнографии и лингвистики посещаемых берегов. Зачастую он при этом совершенно забывал спать, лишь бы не нарушить ритм точного ведения морских или ботанических наблюдений. От бразильского острова Св. Катарина экспедиция отправилась к мысу Горн в Южной Америке и в марте 1804 г. вышла в просторы Тихого океана. Посетив по пути Маркизские острова и Гавайи, «Надежда» в июле 1804 г. достигла Камчатки.

Вид на порт Св. Петра и Павла с морской стороны. Гравюра по рисунку Тилезиуса. (Атлас к путешествию вокруг света капитана И.Ф. Крузенштерна, СПб 1813).

Уже на подходе к берегам полуострова Лангсдорф отметил изумительную красоту здешней природы, сравнив её по своему растительному богатству с Бразилией, а по степени живописности с родными ему Альпами.¹² На суше, однако, путешественникам особо бросилась в глаза бедность и запущенность российских поселений. «Не имеющий сведений в повествованиях о сих российских владениях, при первом взгляде своем на Петропавловский порт почел бы его за колонию, поселенную только за несколько лет и опять уже оставляемую. Прекрасный рейд Петропавловского порта не украшается ни одною лодкою»¹³, – писал Крузенштерн. Славящегося во всем своей особой тщательностью капитана просто поразило зрелище затонувшего прямо в гавани трёхмачтового судна, построенного 15 лет до этого секретной правительственной Северо-восточной экспедицией для плавания к Алеутским островам и на Аляску. «Оно названо «Слава России». Им командовал прежде Биллингс, а потом нынешний вице-адмирал Сарычев. По окончании экспедиции возвратились офицеры назад сухим путем. [...] Сие

12 Langsdorff 1812: Bd. 1, S. 174.

13 Крузенштерн 2007: 412.

судно потонуло скоро после, по недостаточному за оным присмотру. [...] На нем, бывшем тогда в весьма хорошем состоянии могли бы удобно предпринять путь в Балтийское море»¹⁴, – рассуждал Крузенштерн. На основании множества подобных наблюдений он и его команда вынуждены были придти к выводу о совершенно бедственном положении Камчатки, обусловленным, однако, не столько суровыми климатическими условиями, как традиционно было принято считать, а вопиющим множеством недочётов местной организации жизни и постоянно сокращающимся населением.

Несмотря ни на что, экипаж «Надежды» был удостоен на Камчатке самого тёплого приема, смог пополнить запасы провианта и подготовиться к плаванию в Японию. При этом Резанов принял Лангсдорфа с состав вверенного ему посольства и своей властью произвел его в надворные советники, чем значительно повысил статус немецкого врача в рамках экспедиции от вольнонаёмного натуралиста до официального члена государственной дипломатической миссии.¹⁵

Вид Петропавловской гавани и Авачинской губы по времена Северо-восточной экспедиции Биллингса и Сарычева 1785-1795 гг. (Атлас иллюстраций и карт капитана Г.И. Сарычева к путешествию в северо-восточную часть России и на острова Тихого океана, СПб 1802).

До отправления в страну восходящего солнца Лангсдорф использовал свое пребывание на Камчатке для всестороннего изучения доступных ему территорий. Непривычным препятствием для свободно владеющего шестью

14 Там же.

15 Комиссаров 1975: 29.

языками ученого стало незнание русского. А потому ему и Тилезиусу фон Тиленау за отсутствием свободных переводчиков и проводников пришлось довольствоваться наблюдениями самого Петропавловска, а также посещением близлежащей деревушки Авача, населяемой лишь 30 камчадалами. Последние заботились о своем выживании посредством охоты и рыбной ловли, совсем не ведя никакого сельского хозяйства. С сожалением изложил Лангсдорф в своих записях и тот факт, что известное из повествований Джеймса Кука, процветающее тогда поселение Паратунка теперь совсем вымерло, а гражданскую администрацию на полуострове сменило военное управление.¹⁶

По указу Павла I за несколько лет до прибытия на Камчатку экспедиции Крузенштерна сюда, дабы воспрепятствовать повальному уменьшению местного населения, был переведен военный батальон из Иркутска, состоящий из 800 человек.¹⁷ Осуществление этого благого замысла, как часто бывает в силу ряда причин, оказалось по наблюдениям Лангсдорфа весьма неудачным, так как военные продолжали снабжаться всем необходимым из Иркутска, что было сопряжено с непомерными государственными тратами и при этом никак не окупалось: «Ленивые, вялые и совершенно неспособные к землепашеству, они за небольшое количество лет сильнее навредили, нежели принесли пользы. Камчадалам они очень в тягость, буквально высасывают все соки из местных жителей и способствуют физическому и моральному разложению этой нации, [...] чье количество за последние годы сократилось с десяти до трёх тысяч».¹⁸

Немецкий врач не смог остаться безучастным к сложному положению камчатского населения. Деятельный учёный тут же начал разрабатывать предложения по улучшению жизни на полуострове. В одном из своих писем к академику Крафту в Санкт-Петербург он писал: «Первая потребность для сей страны состоит в том, чтобы заселить оную и иметь добрых землепашцев, ремесленников и промышленников. Здесь вовсе недостает тех познаний, которые в просвещённом государстве служат к удовлетворению первых потребностей; как, например: весьма бы нужно завести здесь гончарную работу, кирпичные заводы, варение мыла и соли и иметь искусных людей в ловлении китов, в солении и сушении рыб и пр. [...] Земля сия способна к большому усовершенствованию и заслуживает особенное внимание.»¹⁹ Описывая физико-географические особенности Камчатки в письме к Blumenбаху, Лангсдорф подхватил и развил мысль Крузенштерна о том, что полуостров следует снабжать всем необходимым, развивая торговлю с Япо-

16 Langsdorff 1812: Bd. 1, S. 177.

17 Там же.

18 Там же, с. 178. (Перевод автора статьи).

19 Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту о Камчатке. // Технологический журнал, т. II, 1805, ч. 2, с. 157–159. Здесь процитировано по: Комиссаров/Шафрановская 1975: 89.

нией и Китаем, а не вести сюда товары дорогим, трудоёмким путем из Европейской части России через Сибирь.²⁰

В конце августа 1804 г. корабль Крузенштерна покинул Камчатку и отправился к порту Нагасаки. Как известно, посольству Резанова не суждено было оправдать надежды на установление дипломатических, а тем более торговых отношений с Японией. Проведя более шести месяцев у японских берегов и обогатившись только сравнительно немногими научными наблюдениями, путешественники вернулись в Петропавловск. Здесь Резанов вознамерился покинуть состав экспедиции и отправиться инспектировать владения Российско-американской компании. После некоторых колебаний Лангсдорф согласился сопровождать графа на Алеутские острова и Аляску в качестве лейб-медика. Решающую роль для натуралиста, скрепя сердце расстающегося с Крузенштерном и его командой, сыграли обещания Резанова всячески способствовать научной работе Лангсдорфа во владениях самой крупной торговой компании Российской империи.

В течение следующих месяцев Русская Америка и впрямь смогла предоставить трудолюбивому учёному множество материалов для изучения, но впечатления от её территорий оказались для Лангсдорфа куда более удручающими, чем он заранее мог предположить.²¹ Посетив по пути на Аляску острова Св. Павла, Уналашку и Кадьяк, Резанов с Лангсдорфом в конце августа 1805 г. прибыли в Новоархангельск (Ситку) на острове Баранова, где и остались зимовать. В этом центре Российско-американской компании гуманист Лангсдорф был глубоко потрясен варварским отношением к природным ресурсам и коренному населению региона. Алеуты принуждались к рабскому труду в интересах компании, да и положение рядовых российских промышленников было немногим лучше. Если первых нередко безнаказанно замучивали до смерти, то вторым компания часто годами не платила жалование и лишь в долг или по завышенным ценам снабжала их провизией. Русские и туземцы повально умирали от голода и цинги.

Сам поселённый в маленькой комнатухе под протекающей крышей и нередко вынужденный стрелять ворон, чтобы обеспечить себя ужином, Лангсдорф как медик старался облегчить участь местных жителей. Нередко ему приходилось становиться объектом для насмешек, когда изнуренных цингой больных он поил вкусным и богатым витамином С хвойным настоем, а также настаивал на полноценном питании для своих подзащитных.²² Такой врачебный подход вызывал лишь недоумение в среде, где откуда-то распространился слух, что при цинге особо полезно движение. В следствие этого суеверия лежачих больных против их воли поднимали и таскали по казармам товарищи, а заражённых, сохранивших остаток сил, нагружали камнями и заставляли переносить их с одного места на другое.²³

20 Комиссаров/Шафрановская 1975: 89.

21 См. подробнее: Комиссаров 2002: 377–387.

22 Langsdorff 1812: Bd. 2, S. 85.

23 Там же, с. 83.

Несмотря на все лишения во время этой страшной зимовки, Лангсдорф находил в себе силы дальше заниматься своими исследованиями. В его записях можно найти подробные описания природы Аляски, а также этнографические наблюдения колошей. Помимо прочего, он всерьёз занялся изучением русского и уже довольно скоро смог обходиться без переводчика. В феврале 1806 г. Резанов взял врача с собой в экспедицию за зерном и мукой в испанский Сан-Франциско, где Лангсдорфу удалось изучить образ жизни и обычаи калифорнийских индейцев. По возвращении в Новоархангельск он расстался с Резановым и на корабле «Ростислав» под командованием американского капитана Д. Вольфа отплыл на Камчатку.

Вслед за «Ростиславом» в Петропавловск прибыли также судна «Юнона» и «Авось», руководимые морскими офицерами Н.А. Хвостовым и Г.И. Давыдовым. С ними Григорий Иванович подружился ещё в Ситке, совместно пытаясь ограничить беспредел Российско-американской компании по отношению к её подчиненным. В третий раз оказался Лангсдорф на гостеприимной Камчатке, теперь ещё и в кругу приятных ему людей и ничем не сдерживаемый в своих исследовательских порывах. Здесь было решено зимовать, что предоставило натуралисту неожиданную возможность поближе ознакомиться с природой и культурой полуострова, полюбившегося ему ещё с прошлых посещений.

Гробница капитана Клерка в Петропавловске. (Атлас к путешествию вокруг света капитана И. Ф. Крузенштерна, СПб 1813).

На основании наблюдений в Петропавловске Лангсдорф пришел к выводу о том, что, несмотря на актуальную запущенность, порт этот обладает всем необходимым, чтобы превратиться в цветущий город при условии развития промышленности и усиления российских торговых отношений с

Китаем, Америкой и Алеутскими островами.²⁴ Оставаясь поначалу преимущественно в порту, друзья предприняли несколько небольших вылазок по окрестностям, посетив Авачу, Начику, Малку. В последней немецкого врача особенно привлекли горячие источники.²⁵ Помимо самого феномена, бьющей из-под земли воды специфического запаха и вкуса, ученого заинтересовало практическое использование этого природного явления местным населением. Из камней здесь было сооружено некое подобие ванны, в которой можно было мыться. Больные различными недугами специально приезжали сюда для водных процедур и могли жить в построенных неподалеку хижинах. Сами же жители Малки использовали термальные ключи как в качестве бани, так и для стирки белого белья, а иногда даже просто вместо печи, потому как положенные в эту воду мясо или рыба быстро варились и были готовы к употреблению в пищу.

Вникая во все особенности местной жизни, Лангсдорф основательно взялся также за теоретическое и практическое изучение собаководства на Камчатке. Его восхитила мысль о возможности использования собак в качестве ездовых животных, ничем не уступающих лошадям, и даже часто вовсе заменяющих последних. Научившись управлять собачьей упряжкой, он не преминул испытать полученные навыки во время вылазок по окрестностям, а в январе 1807 г. уже не побоялся отправиться в длительное исследовательское путешествие по полуострову, большую часть которого он проделал на санях, запряженными 13 собаками. Целью своего пути Лангсдорф назначил столицу Нижнекамчатск, куда благополучно и прибыл месяц спустя, посетив и описав по дороге множество таких поселений как Верхнекамчатск, Мильково, Толбачинское и Ключевская. После ласкового приема у коменданта Камчатки П. И. Кошелева, учёный в начале марта отправился в обратный путь, избрав на этот раз ещё более длительный маршрут через Тигиль и Большерецк. 14 мая 1807 г. Лангсдорф вместе с Вольфом на «Ростиславе» отправился из Петропавловска в Охотск, увозя с собой множество впечатлений и замыслов касательно Камчатки.

За время своих передвижений по полуострову Лангсдорф почти нигде не задерживался подолгу, но везде старался всё самое интересное и заслуживающее внимания зафиксировать на бумаге. Его извечная поспешность и неумение сидеть на месте, отмечаемые ещё товарищами на фрегате «Надежда»,²⁶ способствовали тому, что виденное просто не успевало наскучить учёному. Благодаря этому, Лангсдорф на протяжении всех своих странствий сумел сохранить здоровый и человеческий подход ко всем объектам своих наблюдений. Встречающиеся ему на пути люди и их проблемы заслуживали с его точки зрения столько же внимания, как и необычные природные феномены.

24 Langsdorff 1812: Bd. 1, S. 175.

25 Там же, Bd. 2, S. 263.

26 Комиссаров/Шафрановская 1975: 88.

Так собранные Лангсдорфом на Камчатке материалы явно вышли за рамки любой узкой направленности. Обрисовка особенностей местного минерального, растительного и животного мира обогатилась описаниями социальной организации Камчатского края, его нужд и ресурсов, представив таким образом всеохватывающую картину региона.

Первым делом учёный постарался развеять миф о «худчайшем климате и неслыханных холодах Камчатки».²⁷ Посредством не только собственных наблюдений, но и ссылаясь на описания своих выдающихся предшественников Крашенинникова, Стеллера, Палласа и Сарычева, он подробно доказывал, что климат Камчатки в целом сравним с климатом Северной Европы, а потому ни в коем случае не может использоваться как аргумент против целесообразности развития здесь успешного сельского хозяйства, и тем более как частый повод для невежественно-презрительного отношения к этой «очаровывающе прекрасной»²⁸ и богатой своей природой стране. Как самые сильные холода, пережитые им зимой в Петропавловске, Лангсдорф называл 22 градуса мороза, – температура воздуха, которой в Центральной России мало кого можно было удивить или испугать.

В подтверждение своих слов о возможностях Камчатки к самообеспечению разносторонними продуктами питания, а также орудиями промысла, Лангсдорф составил развернутое описание местных млекопитающих, птиц, рыб, ягод, лесов и особенностей минерального мира.²⁹ Подробно перечисляя не только биологическую специфику, но и полезные для человека преимущества той или части местной флоры и фауны, он с методико-научной точки зрения сделал большой шаг вперёд в сфере ведения натуралистических путешествий исследований. Немецкий врач всячески стремился использовать довольно новый для его времени подход, сочетавший в себе одновременный сбор и аналитическое изучение естественно-научных материалов, на который ещё в конце XVIII века не решалось большинство ученых-путешественников, предпочитавших отложить подробный разбор своих коллекций до возвращения домой. С этими его предшественниками Лангсдорфа, однако, роднило стремление к всеохватывающему ведению наблюдений и восприятию виденного как частей единой природной системы. Таким образом, учёный объединил в своем творчестве старые и новые научные тенденции рубежа XVIII и XIX веков.

Среди классических записок путешествующего натуралиста о Камчатке следует также особо отметить этнографические наблюдения коряков, сделанные Лангсдорфом недалеко от Тигильской крепости весной 1807 г. Коряки в отличие от ительменов, которых русские тогда называли просто камчадалами, к моменту пребывания немецкого ученого на Камчатке сохранили

27 Langsdorff 1812: Bd. 2, S. 217 (Перевод автора статьи).

28 Там же, с. 262. (Перевод автора статьи).

29 См. подробнее там же, с. 222–252.

большую часть своей самобытности благодаря кочевому образу жизни, чем, разумеется, вызвали к себе повышенный интерес учёного.³⁰

«Удивительно познакомиться здесь с нацией, чьи благополучие и богатство, образ жизни и заработок, пропитание и одежда зависят единственно от северных оленей, также, впрочем, как и существование алеутов подчинено одним лишь тюленям. Жилища и всяческая одежда делаются из оленьих шкур, их желудки служат для хранения различных жидкостей, а мясо обеспечивает каждодневное питание»³¹, – писал Лангсдорф. Учёного с переводчиком и проводником тепло приняли в лагере коряков, что позволило им получить исчерпывающие сведения об этой народности. Лангсдорф подробно описал внешний вид этой этнической группы, заметив, что они хоть и говорят на совершенно другом языке, но внешне мало отличаются от камчадалов. Их традиции и повседневные обычаи были подчинены уходу за стадами оленей, а также охоте на диких пушных животных. На мясо оленей и шкурки соболей они часто и с удовольствием выменивали у русских табак, водку, котлы, ножи и прочую хозяйственную утварь. Лангсдорф отметил также, что, несмотря на явное соблюдение собственной культурной независимости, коряки всё же старались держаться ближе к русским, дабы иметь своего рода обеспеченный тыл перед кочевыми чукчами, с которыми они находились в извечном конфликте.

Жизнь оседлых ительменов ничуть не меньше занимала Лангсдорфа. Образ мирных, честных камчадалов, которые «в доброте сердца, в верности, гостеприимстве, постоянстве, повиновении и преданности к начальникам ничем не уступают многим просвещённым народам»³², постоянно возникает в записях немецкого гуманиста, равно как и у его начальника и друга И.Ф. Крузенштерна. Лангсдорф отметил, что сильно сблизившиеся с русскими камчадалы начали забывать многие свои коренные традиции и развили новые смешанные культурные устои. Браки между русскими и камчадалками перестали быть редкостью, да и в чисто камчадалских поселениях многие традиционные предметы обихода или формы охоты были в большом объёме заимствованы у русских. «Они живут

Две камчадалские головы: в фас и профиль. Гравюра по рисунку Тилезиуса. (Атлас к путешествию вокруг света капитана И. Ф. Крузенштерна, СПб 1813).

30 Там же, с. 274–278.

31 Там же, с. 276 (Перевод автора статьи).

32 Крузенштерн 1987: 211.

сейчас не в подземных юртах, а в таких же домах, как и русские, почти все говорят по-русски и привыкли из-за такого совершенно изменившегося образа жизни, как и сами русские, к предметам одежды, а также пище, привозимой русскими из Европы»,³³ – отмечал Лангсдорф.

Собачья упряжка на Камчатке. Литография около 1835 г. по рисунку в издании путешествия Джеймса Кука. (James Cook, A Voyage to the Pacific Ocean. Undertaken for Making Discoveries in the Northern Hemisphere, in Three Volumes, the Second Edition, Vol. 1, London 1785).

Российские поселенцы в свою очередь тоже с трудом могли обходиться без помощи камчадалов, которые служили им на полуострове не только соседями и источником ясачных податей, но и единственными проводниками и переводчиками для всего края. «Почту возят они безденежно; проезжающих зимой провожают от острога до острога и обязаны имеющих собак снабжать юколою. Сверх того, угощают и каждого из проезжающих, что делают, однако, добровольно. [...] Камчадалы бедны, но могут служить образом честности. Между ними трудно найти достаточного, но нелегко сыскать и обманщика или бездельника»³⁴, – сообщал в своем описании кругосветного путешествия Крузенштерн. Наблюдения Лангсдорфа вполне совпадали с впечатлениями русского капитана. Нередко ему также удавалось стать свидетелем местных празднеств в русских поселениях, в которых русские народные и ительменские обычаи оригинальным образом перемежались

33 Комиссаров/Шафрановская 1975: 108.

34 Крузенштерн 1987: 212–213.

между собой. Так во время первого пребывания в Петропавловске он отметил, что женское общество состояло здесь из жен солдат и нескольких камчадалок, одетых по европейскому обычаю в дорогие ткани. В конце же вечера в качестве представления были устроены камчадалские пляски, по своим костюмам и ритмике имитирующие местных животных.

Наблюдая подобное смешение русского и местного населения на полуострове, Лангсдорф не раз приходил в отчаяние от того, насколько нищенское существование вынуждены были владеть коренные жители. Всё чаще убеждаясь в добронравии камчадалов он, как истинный сын эпохи Просвещения, считал, что долг российского монарха и его представителей на Камчатке заключается в улучшении условий жизни тех своих новых подданных, которые доверительно вручили себя заботам великой империи. Будучи убеждённым монархистом и восторженно доверяя мудрости Александра I, он верил в то, что государю достаточно лишь донести обширные сведения о Камчатском крае, чтобы тот в скором времени принял меры по реформированию полуострова. Главная проблема Камчатки, с точки зрения Лангсдорфа, вообще заключалась исключительно в том, что «за всё время военно-правительственной администрации ни один из множества находившихся на Камчатке офицеров не выступил с предложениями, которые бы были основаны на общем философском обозрении, знании дела и компетентности, а также преследовали бы цель способствовать благополучию полуострова».³⁵ Именно этот серьёзный пробел и стремился восполнить Лангсдорф, когда ещё из Петропавловска вступил в переписку с министром коммерции Н.П. Румянцевым. Успешному ведению корреспонденции, судя по всему, способствовала рекомендация брата матери натуралиста, тайного советника Коха, вероятно познакомившегося с Румянцевым в период дипломатической службы последнего в германских государствах.³⁶ Заручившись поддержкой министра, Лангсдорф ещё во время своего сухопутного путешествия через Сибирь в Санкт-Петербург начал составлять официальный документ под названием «Изъяснение политического положения Камчатки и предложение для улучшения расстроенного состояния этого полуострова».³⁷ 21 октября 1807 г. учёный отправил свои разработки Румянцеву с просьбой представить их императору.

Побывав в гостях у генерал-губернатора Сибири И.Б. Пестеля в Тобольске, окрыленный его повышенным вниманием к рассказам о положении дальневосточного края, Лангсдорф приступил к разработке пакета реформ

35 Langsdorff 1812: Bd. 2, S. 268.

36 Комиссаров/Шафрановская 1975: 91.

37 В немецкоязычном оригинале рукопись носит название: «Darstellung der politischen Lage von Kamtschatka und Vorschlag zur Verbesserung des zerrütteten Zustandes dieser Halbinsel». Императору рукопись была представлена во французском переводе. Впервые на русском языке документ был полностью опубликован в статье: Комиссаров/Шафрановская 1975: 97–116.

для Камчатки. В нем нашли отражение все сделанные им доселе записи и размышления, основная часть которых уже была упомянута в отосланном Румянцеву «Изъяснении», а описательные пассажи которых впоследствии составили основу для обстоятельного рассказа о Камчатке в двухтомном труде Лангсдорфа обо всех проделанных им путешествиях в 1803-1807 гг. и принесшего ему международную научную славу.³⁸

По прибытии в Петербург Лангсдорф сразу получил аудиенцию у Румянцева и был принят в его ближайшее окружение. По ходатайству министра он уже в июле 1808 г. был определен адъюнктом по ботанике в Академию наук.³⁹ Негаснущий интерес к Камчатке надолго обусловил его деятельность в рамках заседаний академической конференции. Так в июле 1809 г. он представил коллегам иллюстрированную рукопись о рыбах, обитающих у берегов Камчатки, в июне 1811 г. ознакомил заседание с работой о собаководстве на полуострове, а в 1812 г. опубликовал заметки о его естественных ресурсах.⁴⁰ Значимым оказалось и его участие в работе двух правительственных комитетов в 1810-1811 гг., призванных провести реформирование полуосторова.⁴¹ Здесь Лангсдорф под председательством И.Б. Пестеля и перед такими членами совета как И.Ф. Крузенштерн и Г.А. Сарычев получил возможность лично отстаивать состоятельность своих предложений,⁴² изложенных письменно в «Изъяснении политического положения на Камчатке».

«Следует без обиняков сказать: прибытие военных на Камчатку привело страну к упадку во всех отношениях»,⁴³ – писал Лангсдорф ещё в октябре 1807 г. Он самым жестким образом критиковал поведение русских солдат, ведущих праздную, ленивую жизнь засчёт камчадалов: «Каждый солдат позволяет себе проявлять незаконные действия по отношению к камчадалам, считая себя выше их во всех отношениях с самого рождения. [...] Но что ещё больше угнетает бедных жителей этого полуострова, так это то, что они все лето и осень со своими семьями должны делать запасы на неопределенное количество чужих гостей. [...] Солдаты, которые берут с собой в поездку хлеб и муку, съедают их с гостеприимно поданной на стол рыбой, и этим грубым людям не приходит в голову отдать в благодарность кусочек хлеба камчадалу. [...] Да, нередко случалось, что камчадалы делились своей

38 Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff 1812. На русский язык вся книга так никогда и не была переведена. Отдельные куски были изданы в: Извлечение из записок Лангсдорфа 1803-1807 гг. // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, 1861, вып. 4.

39 Комиссаров 1975: 46.

40 Комиссаров/Шафрановская 1975: 96.

41 Комиссаров 2002: 384.

42 Комиссаров 1975: 49.

43 Комиссаров/Шафрановская 1975: 98.

последней рыбой и потом сами терпели нужду, и их собственные собаки подыхали от голоду, в то время как солдатских собак хорошо кормили».⁴⁴

В качестве решения проблемы Лангсдорф предлагал принудить солдат к земледелию и скотоводству. На основании точных научных подсчетов он представил все доказательства того, что почвы и природа Камчатки более чем располагают к успешному ведению сельского хозяйства. В целом он подробно рассуждал о возможности расформирования здешних военных частей, предоставив последним возможность либо уйти в местное казачество и таким образом добровольно приносить пользу краю, либо вернуться для службы в сибирские полки. Немецкий врач наивно недооценивал стратегическое значение военных на дальневосточной границе России с Японией и США, но в его оправдание следуют всё же отметить, что наблюдаемые им представители русской армии, и в самом деле, мало напоминали доблестных защитников родины.

В дальнейшем Лангсдорф представил подробный список тех животных и растений полуострова, сбыт которых был бы выгоден не только на самой Камчатке, но и в Сибири. Кроме того, он указал на отличное качество местной древесины, годной для обширного кораблестроения. Большое внимание было уделено местной проблеме недостатка соли, которую Лангсдорф предлагал решить дешевым путем добычи из морской воды. Удовлетворение солевых нужд, с его точки зрения, должно было быстро способствовать развитию камчатских предприятий по засолке рыбы, которые бы без труда могли снабжать продукцией сибирские поселения вплоть до Иркутска.

Немецкий врач также напомнил комитету о необходимости стоительства на полуострове современных госпиталей и снабжения их достаточным медицинским персоналом, а также лекарствами. В качестве отпугивающего примера он поведал о больницах в Верхнекамчатске и в Ключевской, где из медикаментов имелись лишь остатки средств, привезенных сюда за три года до того «Надеждой», а присутствующие врачи просто не справлялись с недугами пациентов из-за элементарной антисанитарии и отсутствия здорового воздухообмена в больничных помещениях.⁴⁵

Старания Лангсдорфа не пропали даром. 9 апреля 1812 г. император подписал «Положение о преобразовании на Камчатке»,⁴⁶ учитывающее большинство из идей учёного. Положение упраздняло «слишком для края того обширное и многосложное» областное правление, поручая камчатскому начальнику управлять страной единолично с помощью небольшого штата чиновников.⁴⁷ Специально указывалось, что начальник Камчатки должен

44 Там же, с. 99, 100.

45 Langsdorff 1812: Bd. 2, S. 264, 265.

46 «Положение о преобразовании на Камчатке военной и гражданской части, об улучшении состояния тамошних жителей и вообще этого края» от 9 апреля 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи, серия I (1649-1825).

47 Там же, с. 285–286.

назначаться из морских офицеров, чем подчеркивалось значение морского промысла и укрепления морской обороноспособности полуострова. Столица была перенесена в Петропавловск, где полагалось сформировать флотскую экипажную роту. Нашли своё воплощение и идеи Крузенштерна с Лангсдорфом о снабжении Камчатки всем необходимым по морю. «Так как доставление морем вокруг Кап Горна, или мыса Доброй Надежды, нужных потребностей [...] обойдется по учиненным опытом и исчислениям несравненно дешевле сухопутного доставления, [...], то отправлять из Кроштадта через каждые два года в Камчатку означенным путем транспортное судно со всеми нужными припасами, посылая туда всякий раз и военный малый фрегат»,⁴⁸ – гласил § 85 Положения.

Полный отдел закона был посвящен увольнению в отставку всех нижних чинов и унтер-офицеров Камчатского батальона, отслуживших положенный срок. Им предлагалось на выбор остаться на поселение на Камчатке, либо «возвратиться вглубь государства».⁴⁹ Дальнейшие распоряжения предусматривали поощрительные меры, дабы привить оставшимся на поселение особое радение и интерес к ведению сельского хозяйства, а особо к земледелию и скотоводству. Также повелевалось учредить солеварни на берегах полуострова. Эти параграфы буквально цитировали многие из формулировок Лангсдорфа, сделанных в рамках его обстоятельной записки государю.

Отдельный параграф напоминал о необходимости расширения врачебной деятельности на полуострове и вменял пребывающим туда медикам особую заботу о «введении для камчадалов прививания оспы».⁵⁰ Здесь вновь прослеживается влияние Лангсдорфа, который уже в Бразилии начал оспопрививание среди местных жителей, и безусловно продолжил бы его лично и на Камчатке при наличии соответствующей вакцины. В интересах улучшения положения камчадалов закон также предусматривал проведение переписи населения среди них, дабы впредь взимать ясак только с действительно наличествующего количества душ. Кроме того, было указано доставлять на полуостров свинец и порох с целью продажи его по низким ценам камчадалам. Таким образом хотели решить описанную Лангсдорфом проблему, когда привыкшие к использованию огнестрельного оружия ительмены ни за какие деньги нигде на полуострове не могли приобрести дополнительные запасы пороха, что для них нередко означало полный отказ от охоты, довольствование одной лишь рыбой в качестве пропитания и голод во время зимовок.⁵¹ В целях борьбы с падением нравов жителей указ строго запрещал мелким торговцам продавать камчадалам горячительные напитки, а также активно ратовал за увеличение на полуострове количества «благонадежных

48 Там же, с. 291.

49 Там же, с. 282.

50 Там же, с. 287.

51 Комиссаров/Шафрановская 1975: 108.

священников», за чьим поведением назначалось следить лично начальнику Камчатки и его чиновникам.

За свои труды в сфере благоустройства дальневосточного полуострова Лангсдорф ещё в 1810 г. был удостоен ордена Св. Анны второй степени.⁵² Вскоре после вступления в силу «Положения о Камчатке» Григорий Иванович был назначен генеральным российским консулом в Рио-де-Жанейро. С декабря 1812 г. Бразилия полностью заполнила собой круг интересов учёного. Однако, как доказывают его бразильские дневники, и из южных широт Лангсдорф продолжал ревностно следить за присходящими переменами во владениях Российско-американской компании и, конечно, на горячо любимой им Камчатке, судьбу которой он так и не перестал принимать близко к сердцу.

Литература

- Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту о Камчатке. // Технологический журнал, т. II, 1805, ч. 2.
- Комиссаров, Борис Н. 1975. Григорий Иванович Лангсдорф. Ленинград.
- Комиссаров, Борис Н. 2002. Г.И. Лангсдорф и Русская Америка. // Русское открытие Америки. Сборник статей. Москва.
- Комиссаров Б.Н./Т.К. Шафрановская 1975. Неизвестная рукопись академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке. // Страны и народы Востока, 1975, выпуск 17: Страны и народы бассейна Тихого океана, книга 3.
- Крузенштерн, Иван Федорович 1987. Путешествие вокруг света. // Отечеству полезным быть. Первые русские кругосветные плавания, Владивосток.
- 2007. Первое российское плавание вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». Москва.
- Пасецкий, Василий 1974. Иван Федорович Крузенштерн. Москва.
- Becher, Hans 1987. Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff in Brasilien. Forschungen eines deutschen Gelehrten im 19. Jahrhundert. Berlin.
- Bucher, Gudrun 2008. Georg Heinrich von Langsdorff – Teilnehmer der russischen Weltumseglung (1803-1806) und Erforscher von Russisch-Amerika. In: *Philippia: Abhandlungen und Berichte aus dem Naturkundemuseum im Ottoneum zu Kassel* 13.
- Dahlmann, Dittmar 2004. Gelehrte auf Reisen. Über die trockene Grenze und über das offene Meer. Binneneuropäische und transatlantische Migrationen im 18. und 19. Jahrhundert. Essen.
- Langsdorff, Georg Heinrich Freiherr von 1812. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803-1807. Frankfurt am Main.

52 Там же, с. 95.